

Европейский Суд по правам человека

Первая секция

ДЕЛО «НАХМАНОВИЧ ПРОТИВ РОССИИ»²

CASE OF NAKHMANOVICH v. RUSSIA

(Жалоба №. 55669/00)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Страсбург

02 Марта 2006 года

Данное постановление станет окончательным при условиях, предусмотренных п. 2 ст. 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

В деле «Нахманович против России»,

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

Г-н К.Л. РОЗАКИС, *Председатель,*

Г-н Л. ЛУКАДЕС,

Г-жа Ф. ТУЛКЕНС,

Г-н П. ЛОРЕНЦЕН,

Г-жа Н. ВАИЧ,

Г-жа С. БОТУЧАРОВА,

Г-н А. КОВЛЕР, *судьи,*

и Г-н С. НИЛЬСЕН, *Секретарь Секции Суда,*

заседа 9 февраля 2006 года за закрытыми дверями, вынес в тот же день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№. 55669/00) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Казахстана, г-ном Львом Александровичем Нахмановичем 20 декабря 1999 года.

2. Заявитель был представлен в Суде г-жой К. Москаленко, юристом Московского Международного Правозащитного Центра. Российское Правительство (далее –

¹ Перевод с англ. яз. выполнил зав. кафедрой европейского права и сравнительного правоведения ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», к.ю.н. Красиков Д.В.

² Оригинал решения см. на официальном сайте Европейского Суда по правам человека: <http://www.echr.coe.int/>

Правительство) было представлено г-ном П. Лаптевым, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, в частности, что содержание его под стражей в период предварительного следствия было незаконным, а также чрезмерно длительным, что его жалоба, касающаяся законности содержания его под стражей, не была рассмотрена, и что чрезмерная длительность уголовного разбирательства в отношении него является нарушением требования «разумного срока» в соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции.

4. Жалоба была направлена на рассмотрение Первой Секции Суда (п. 1 Правила 52 Регламента Суда). В рамках этой Секции в соответствии с п. 1 Правила 26 Регламента Суда была образована Палата для рассмотрения настоящего дела (п. 1 ст. 27 Конвенции).

5. Своим решением от 28 октября 2004 года Суд признал жалобу частично приемлемой.

6. 1 ноября 2004 года Суд изменил состав своих секций (п. 1 Правила 25). Настоящее дело было передано в ведение вновь образованной Первой Секции (п. 1 Правила 52).

7. Правительство представило свои замечания по существу жалобы в соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции (п. 1 Правила 59 Регламента). Заявитель не представил замечаний по существу жалобы.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель родился в 1957 году, проживает в г. Джамбул, Казахстан.

A. Уголовное разбирательство в отношении в 1992-1994 г.г.

9. 28 октября 1992 года органами внутренних дел г. Москвы было возбуждено уголовное дело по факту кражи около четырёхсот миллионов рублей (приблизительно тридцать пять миллионов долларов США) из Банка России путём использования поддельных авизо Национального Банка Казахстана.

10. 24 декабря 1992 года заявитель был арестован в аэропорту г. Москва по прибытии из Италии и заключен под стражу. 26 и 27 декабря 1992 года заявитель признался в предварительном сговоре с г-ном Смоленским, директором Российского коммерческого банка, в отношении хищения денег.

11. 28 декабря 1992 года заявитель был освобождён из-под стражи.

12. 23 ноября 1994 года заявителю было предъявлено обвинение в совершении мошенничества с причинением значительного ущерба, преступления, предусмотренного с ч. 3 ст. 147 Уголовного Кодекса РСФСР, и был заключен под стражу в период предварительного расследования. Поскольку к этому времени заявитель покинул территорию России, его имя было помещено в список лиц, скрывающихся от правосудия.

B. Арест заявителя в Швейцарии и экстрадиция.

13. 20 марта 1997 года имя заявителя было включено в список лиц, разыскиваемых Интерполом. 11 сентября 1997 года полиция Швейцарии арестовала заявителя в г. Лугано, Швейцария, с целью его экстрадиции.

14. После получения документов в подтверждение запроса об экстрадиции, 29 января 1998 года власти Швейцарии приняли решение об экстрадиции заявителя.

15. 24 апреля 1998 года заявитель был экстрадирован в Россию, где он был помещён в следственный изолятор ИЗ-48/4 (“Матросская Тишина”).

С. Уголовное разбирательство в отношении заявителя в России

1. Первое рассмотрение вопроса о законности содержания заявителя под стражей

16. 15 июня 1998 года адвокат заявителя ходатайствовал перед Преображенским районным судом г. Москвы об освобождении заявителя. Она утверждала, в частности, что он был задержан в Швейцарии на основании постановления об аресте от 23 ноября 1994 года и находился в заключении в течение более девяти месяцев. В Казахстане, государстве его гражданства, уголовное разбирательство в отношении него было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. В любом случае, после шестилетнего расследования следователи собрали все доступные доказательства, включая показания свидетелей, и заявитель, таким образом, не мог помешать установлению истины по делу. И, наконец, его освобождение было необходимо по медицинским основаниям, поскольку его здоровье серьёзно ухудшилось во время нахождения под стражей.

17. 25 июня и 8 июля 1998 года слушание по делу в Преображенском районном суде было отложено, поскольку заявитель не был доставлен в суд.

18. 13 июля 1998 года заместитель Генерального Прокурора Российской Федерации санкционировал продление срока содержания заявителя под стражей в период предварительного расследования до 8 сентября 1998 года, что в общей сложности составляет двенадцать месяцев с момента его первоначального заключения под стражу в Швейцарии. Продление срока обосновывалось ссылкой на тяжесть преступления, опасность того, что заявитель может скрыться, а также на международные обязательства, принятые российскими властями в отношении процедуры экстрадиции.

19. 14 июля 1998 года Преображенский районный суд, рассмотрев заявления заявителя и его адвоката, а также прокурора, пришёл к выводу, что содержание под стражей было законно выбрано в качестве меры пресечения и в дальнейшем продлено в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса. Соответственно, не было никаких оснований для применения какой-либо другой меры пресечения.

20. 3 августа 1998 года Московский городской суд оставил без изменений решение от 14 июля 1998 года. Суд в общих формулировках повторил, что содержание заявителя под стражей было законным.

2. Продление срока содержания под стражей и второе рассмотрение вопроса о законности содержания заявителя под стражей

21. 29 июля 1998 года Генеральный Прокурор санкционировал продление срока содержания заявителя под стражей в период предварительного расследования до 8 марта 1999 года, что в общей сложности составляло восемнадцать месяцев. Заявитель утверждает, что никакого отдельного постановления о продлении не было принято, и что новая санкция была напечатана на верхней части постановления от 13 июля 1998 года. Далее он указывал, что он не был уведомлён о продлении до 10 сентября 1998 года.

22. 22 октября 1998 года адвокат заявителя обжаловал продление срока в Преображенском районном суде. Она утверждала, в частности, что не было доказательств того, что заявитель совершил преступление на территории России; что санкционированный период его содержания под стражей истёк 8 сентября 1998 года, в то время как заявитель не был уведомлён о последующем продлении в течение двух дней; и

что не существовало реальной опасности того, что заявитель скроется или помешает расследованию.

23. 13 ноября 1998 года Преображенский районный суд отклонил жалобу. Он указал, что не существовало оснований для отмены или изменения меры пресечения, применённой в отношении заявителя, поскольку срок содержания под стражей был продлён в соответствии с законом. Суд пришёл к выводу о том, что он не компетентен рассматривать вопрос о законности, а равно оценивать обоснованность помещения заявителя под стражу, поскольку данный вопрос уже был рассмотрен в его решении от 14 июля 1998 года (см. пар. 19 выше).

24. 23 ноября 1998 года адвокаты заявителя подали кассационную жалобу. Они утверждали, в частности, что национальное право позволяет продление срока содержания под стражей на срок свыше девяти месяцев только в «исключительных случаях», в то время как в настоящем деле ни Генеральный прокурор, который санкционировал продление срока до восемнадцати месяцев, ни районный суд, который рассматривал это решение, не указали на какие-либо исключительные обстоятельства.

25. 9 декабря 1998 года Московский городской суд оставил без изменений решение от 13 ноября 1998 года. Суд вновь отметил, что срок содержания под стражей был продлён в соответствии с законом, поскольку заявитель обвинялся в совершении тяжкого преступления. Никаких иных оснований для продолжения содержания заявителя под стражей не было приведено.

3. Новые обвинения и выделение дела заявителя в отдельное производство.

26. 29 декабря 1998 года было добавлено новое обвинение: заявитель был обвинён в подделке и использовании документа государственного учреждения, преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 196 Уголовного кодекса РСФСР.

27. 14 января 1999 года Генеральная Прокуратура приняла решение о разделении дел в отношении заявителя и в отношении г-на Смоленского, другого обвиняемого по делу.

28. 4 марта 1999 года материалы дела и обвинительное заключение были представлены в Замоскворецкий районный суд г. Москвы для подготовки к судебному процессу.

29. 22 марта 1999 года районный суд назначил судебное заседание по делу на 6 апреля 1999 года. Впоследствии процесс по делу откладывался три раза.

30. 7 мая 1999 года районный суд пришёл к выводу, что право заявителя на консультации со своими адвокатами было неправомерно ограничено, в результате чего ходатайства защиты о прекращении разбирательства по делу, освобождении заявителя из-под стражи, о вызове дополнительных свидетелей и исключении определённых доказательств не были рассмотрены. Суд вернул дело на стадию назначения к слушанию.

4. Возвращение дела для дополнительного расследования

31. 20 мая 1999 года Замоскворецкий районный суд установил, что дело в отношении заявителя было незаконно выделено в отдельное производство. Суд пришёл к выводу о том, что сторона обвинения должна закончить расследование в отношении преступлений, совершённых г-ном Смоленским, и что обвинения в отношении обоих обвиняемых должны рассматриваться вместе. Суд постановил, что дело должно быть возвращено для дополнительного расследования. Сторона обвинения обжаловала данное решение в кассационном порядке.

32. 18 июня 1999 года уголовное преследование в отношении г-на Смоленского было прекращено за недостатком доказательств.

33. 7 июля 1999 года Московский городской суд оставил без изменений решение от 20 мая 1999 года. Суд также установил другие процессуальные ошибки: в частности, он постановил, что следует пересмотреть вопрос о законности прекращения уголовного

преследования в отношении г-на Смоленского, и что, соответственно, должно быть дополнено обвинительное заключение в отношении заявителя.

34. 19 июля 1999 года материалы дела заявителя были возвращены в Генеральную прокуратуру.

35. 23 июля 1999 года Генеральная прокуратура принесла протест в порядке надзора в отношении решений от 20 мая и 7 июля 1999 года в Президиум Московского городского Суда. Сторона обвинения утверждала, что, возвращая дело на дополнительное расследование, суды не приняли во внимание предстоящее истечение санкционированного срока содержания заявителя под стражей, а также нарушили право заявителя на рассмотрение уголовного обвинения в отношении него в разумный срок.

5. Дальнейшие попытки добиться рассмотрения вопроса о законности содержания заявителя под стражей

36. В июле 1999 года адвокат заявителя подавала жалобы о незаконности продолжающегося содержания под стражей её клиента начальнику следственного изолятора, в котором содержался заявитель, заместителю Министра юстиции, ответственного за ГУИН Министерства юстиции РФ, Министру юстиции, исполняющему обязанности Генерального Прокурора и в Преображенский районный суд (26 июля 1999 года). Она требовала освобождения заявителя, утверждая, что содержание его под стражей после 24 июля 1999 года было незаконным, поскольку дальнейшее продление срока не было санкционировано.

37. 28 июля 1999 года старший советник юстиции Генеральной Прокуратуры проинформировал ГУИН Министерства юстиции РФ, что со дня принесения заместителем Генерального прокурора протеста в порядке надзора, за содержание заявителя под стражей “несёт ответственность Московский городской суд”. Администрация следственного изолятора передала эту информацию адвокату заявителя.

38. 4 августа 1999 года Министр Юстиции выслал письмо в адрес Генерального Прокурора. В его части, относящейся к данному делу, содержалось следующее:

“...19 июля 1999 года материалы дела были получены Генеральной Прокуратурой из Замоскворецкого районного суда г. Москвы... Срок содержания под стражей [заявителя] истёк 23 июля 1999 года.

В соответствии с информацией, полученной из Генеральной Прокуратуры, срок содержания под стражей [заявителя] был приостановлен в связи с принесением протеста в порядке надзора ... и передачей заявителя в Московский городской суд.

Я считаю, что данный подход со стороны должностных лиц Генеральной Прокуратуры не совместим с нормами Конституции Российской Федерации и её уголовно-процессуальным законодательством.

...Так, например, уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает оснований для приостановления срока содержания под стражей на период рассмотрения в порядке надзора протеста на решения о возвращении дела для дополнительного расследования... Это означает, что рассмотрение в порядке надзора окончательных судебных решений, решений или постановлений по делу не приостанавливает ни исполнения судебного решения, ни [дополнительного] досудебного расследования, если дело было возвращено на дополнительное расследование [по решению суда].

...Соответственно, в данном деле [принесение протеста в порядке надзора] приостанавливает не срок содержания под стражей, а проведение дополнительного расследования, поскольку немыслимо, чтобы приостановление срока содержания под стражей в такого рода деле было бы совместимым с реализацией права гражданина на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренного ст. 22 Конституции.

...В этой связи законодательство содержит положение, в ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, в отношении одного и только одного основания для продления срока содержания под стражей, если дело возвращено на дополнительное расследование, а именно положение о том, что такое продление должно быть санкционировано прокурором, осуществляющим надзор за расследованием”.

Министр юстиции предложил Генеральному прокурору дать в течение одного дня ответ на вопрос о том, был ли продлён срок содержания заявителя под стражей в период предварительного расследования, как это предусмотрено в ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса.

39. 5 августа 1999 года заместитель Генерального прокурора в письменной форме ответил Министру юстиции, утверждая, что Генеральная прокуратура получила материалы дела только 20 июля 1999 года, и что он принёс протест в порядке надзора “не принимая дело к своему производству”. В этом письме не было информации о продлении срока содержания заявителя под стражей.

40. В тот же день г-н Л., прокурор, осуществлявший надзор за законностью исполнения уголовных наказаний, при помощи факсимильной связи отправил распоряжение в следственный изолятор, в котором содержался заявитель, с требованием не освобождать заявителя из-под стражи до тех пор, пока Московский городской суд не рассмотрит протест, принесенный в порядке надзора.

41. 12 августа 1999 года Президиум Московского городского суда отменил решения от 7 и 20 мая и от 7 июля 1999 года по процессуальным основаниям и вернул дело в Замоскворецкий районный суд для рассмотрения по существу другим составом суда.

42. 16 августа 1999 года судья Преображенского районного суда прекратил производство по жалобе, касающейся незаконности содержания заявителя под стражей, поскольку “13 августа 1999 года дело [заявителя] было передано для рассмотрения в Замоскворецкий районный суд”.

43. 6 октября 1999 года материалы дела были возвращены в Замоскворецкий районный суд. Судебное разбирательство было назначено на 25 ноября 1999 года, но было отложено три раза, поскольку были утрачены некоторые документы из Генеральной прокуратуры, а также потому, что председательствующий судья участвовал в другом процессе.

D. Освобождение заявителя из-под стражи и дальнейшее разбирательство по делу

44. 20 января 2000 года Замоскворецкий районный суд постановил возвратить дело в Генеральную прокуратуру для дальнейшего расследования. Он установил, что мера пресечения, принятая в отношении заявителя (содержание под стражей в период предварительного расследования) “не должна быть изменена”.

45. 4 февраля 2000 года Следственный отдел Министерства внутренних дел возобновил расследование. В тот же день заявитель был освобождён из-под стражи под подписку о невыезде.

46. В марте 2000 года заявитель подал ходатайство о разрешении ему вернуться домой. После полученного разрешения, он уехал в Казахстан 12 марта 2000 года.

47. 3 марта и 12 апреля 2000 года Следственный отдел Министерства внутренних дел заявил ходатайство Генеральному Прокурору о продлении санкционированного срока

расследования по делу. 20 марта и 27 апреля 2000 года заместитель Генерального прокурора отказал в дальнейшем продлении на основании того, что “местонахождение заявителя не может быть установлено”.

48. 20 апреля и 7 июня 2000 года адвокаты заявителя запросили у следственных органов информацию о ситуации с уголовным разбирательством в отношении заявителя, однако ответа на этот запрос получено не было.

49. 7 июня 2000 года адвокаты заявителя также обратились в органы прокуратуры с ходатайством о прекращении уголовного дела в отношении заявителя, ссылаясь на решение от 28 апреля 2000 года, вынесенное органами прокуратуры Казахстана о прекращении уголовного разбирательства. 27 июня 2000 года исполняющий обязанности начальника отдела по надзору за расследованиями по особо важным делам Генеральной прокуратуры, отклонил их ходатайство на том основании, что преступление было совершено на территории России и, таким образом, не было правовых оснований для прекращения разбирательства в отношении заявителя.

50. Как утверждает Правительство, уголовное разбирательство в отношении заявителя в России было прекращено 28 апреля 2000 года решением Следственного отдела Министерства внутренних дел, на том основании, что участие заявителя в совершении преступления не может быть доказано. В решении, в частности, было указано, что “дальнейшее разбирательство по данному делу не представляется возможным, поскольку Генеральная прокуратура отказала в дальнейшем продлении санкционированного срока расследования”. В неустановленный день следователь предположительно проинформировал заявителя об этом решении по телефону, однако не смог выслать копию данного решения заявителю, поскольку не знал его адреса. В июне 2000 года аналогичная информация была предположительно доведена до сведения г-жи Орозалиевой, адвоката заявителя.

51. 16 января 2004 года г-жа Орозалиева обратилась в Следственный отдел Министерства внутренних дел с просьбой выдать копию решения о прекращении уголовного преследования в отношении заявителя. Она указала, что узнала о существовании данного решения в октябре 2003 года во время беседы со старшим следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры.

52. 17 февраля 2004 года заместитель начальника Следственного отдела Министерства внутренних дел ответил ей, что “27 декабря 2000 года материалы дела № 81684 были направлены в Генеральную прокуратуру и до сих пор не были возвращены в Следственный отдел Министерства внутренних дел; таким образом, документы предоставлены быть не могут”.

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПОДЛЕЖАЩЕЕ ПРИМЕНЕНИЮ

53. До 1 июля 2002 года уголовно-правовые отношения регулировались Уголовно-процессуальным кодексом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (Закон РСФСР от 27 октября 1960 года, “далее – ранее действовавший УПК”).

54. “Меры пресечения” включали подписку о невыезде, личное поручительство, залог и заключение под стражу (ст. 89). Решение о заключении под стражу могло быть принято прокурором или судом (ст.ст. 11, 89 и 96).

55. В рассматриваемый период – до принятия изменений от 14 марта 2001 года – заключение под стражу назначалось по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы, либо при наличии в деле «исключительных обстоятельств». Если лицо обвинялось в совершении тяжких и особо тяжких преступлений – категория, включающая мошенничество с причинением

значительного ущерба – заключение под стражу в качестве меры пресечения могло быть применено по мотивам одной лишь опасности преступления (ст. 96).

56. Лицо, содержащееся под стражей, либо его представитель могли обжаловать в суде постановление о заключении под стражу. Судья обязан был проверить законность и обоснованность постановления не позднее трёх суток со дня получения соответствующих материалов. Судебная проверка должна была быть проведена в закрытом заседании в присутствии прокурора, а также защитника либо законного представителя лица, содержащегося под стражей. Судья был вправе либо оставить жалобу без удовлетворения, либо отменить меру пресечения в виде заключения под стражу и освободить лицо из-под стражи (ст. 220-2).

57. После ареста подозреваемый был заключён под стражу “на время проведения предварительного расследования”. Максимально допустимый период содержания под стражей “на время проведения предварительного расследования” был два месяца, однако он мог быть продлён вплоть до восемнадцати месяцев в “исключительных случаях”. Продления срока санкционировались прокурорами соответствующего уровня. Продление срока содержания под стражей “на время проведения предварительного расследования” свыше восемнадцати месяцев не допускалось. Срок содержания под стражей “на время проведения предварительного расследования” рассчитывался до того дня, когда орган обвинения отправлял дело в суд (ст. 97).

58. Со дня отправления органом обвинения дела в суд, вопрос о содержании обвиняемого под стражей решался судом (“на период рассмотрения дела в суде”). В течение четырнадцати дней после получения материалов дела (если обвиняемый находился под стражей), судья должен был либо (1) назначить дату судебного заседания, либо (2) возвратить дело для производства дополнительного расследования, либо (3) приостановить производство по делу или прекратить дело, либо (4) направить дело по подсудности (ст. 221). По получении материалов дела, судья должен был установить, в частности, должен ли обвиняемый оставаться под стражей, либо быть освобождён из-под стражи в период предварительного расследования (ч. 5 ст. 222 и ст. 230), а также рассмотреть имеющиеся ходатайства обвиняемого об освобождении из-под стражи (ст. 223).

59. Суд, рассматривающий дело, мог вернуть дело для производства дополнительного расследования, если было установлено, что имели место такие процессуальные ошибки, которые не могут быть устранены в судебном заседании. В таких делах содержание обвиняемого под стражей снова рассматривалось как “на время проведения предварительного расследования” и продолжали применяться соответствующие ограничения по срокам. Тем не менее, если дело было возвращено для производства дополнительного расследования, однако следствие уже использовало весь период, санкционированный для содержания под стражей “на время проведения предварительного расследования”, прокурор, осуществлявший надзор за следствием, мог, тем не менее, продлить срок содержания под стражей в пределах одного месяца, начиная с даты получения им материалов дела. Дальнейшее продление срока могло быть осуществлено только в том случае, если срок содержания под стражей “на время проведения предварительного расследования” не превышал восемнадцати месяцев (ст. 97).

60. Если санкционированный срок содержания под стражей истёк, и никакой информации о вынесении постановления о продлении срока не было получено начальником следственного изолятора, последний должен был своим решением освободить обвиняемого из-под стражи (ст. 11). Прокурор и его заместитель обязаны освободить всякого незаконно лишённого свободы или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного законом или судебным приговором (ст. 11, а также ч. 2 ст. 33 Федерального закона о Прокуратуре Российской Федерации, № 2202-1 от 17 января 1992 года).

61. Следователь мог вынести мотивированное постановление о прекращении уголовного дела, которое подписывается следователем с указанием даты его составления. Копия этого решения должна была быть направлена прокурору. Одновременно в письменной форме о вынесении постановления должны были быть уведомлены обвиняемый и потерпевший. Следователь также должен был разъяснить им порядок обжалования данного постановления (ст. 209).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ П. 1 СТ. 5 КОНВЕНЦИИ

62. Заявитель утверждал, что было нарушено его право, предусмотренное п. 1 (с) ст. 5 Конвенции, поскольку содержание его под стражей в период предварительного расследования было незаконным, по крайней мере, с 24 июля по 12 августа 1999 года. Соответствующая часть п. 1 ст. 5 гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное содержание или заключение под стражу лица, произведённое с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения...”.

63. Правительство заявило, что ни в одном из судебных решений заявитель не был признан виновным. В этих обстоятельствах содержание его под стражей «с трудом можно считать обоснованным», и он должен был подать иск о выплате компенсации за незаконное обвинение и содержание под стражей.

64. Суд вновь отмечает, что выражение “законное” и “в порядке, установленном законом” в п. 1 ст. 5 по существу отсылает к национальному законодательству и устанавливает обязательство привести в соответствие соответствующие нормы материального и процессуального права. Тем не менее, «законность» содержания под стражей в соответствии с национальным законодательством не всегда является решающим фактором. В дополнение к этому, Суд должен убедиться, что содержание под стражей в течение рассматриваемого срока, было совместимым с целью п. 1 ст. 5 Конвенции, которая заключается в том, чтобы предотвратить произвольное ограничение свободы человека (см. «Джесиус против Литвы» (*Ječius v. Lithuania*) № 34578/97, § 56, ECHR 2000-IX, и «Барановский против Польши» (*Baranowski v. Poland*) № 28358/95, §§ 50-52, ECHR 2000-III).

65. Суд считает, и это не оспаривалось сторонами, что после истечения срока содержания под стражей, санкционированного постановлением прокурора от 29 июля 1998 года (см. пар. 21 выше) и до момента вынесения решения районным судом 20 января 2000 года, продлившем применение меры пресечения, ни прокурором, ни судьёй не было

принято решение, санкционировавшего содержание заявителя под стражей в период предварительного расследования.

66. В период с 4 марта до 20 мая 1999 года, а также с 6 октября 1999 года до 20 января 2000 года заявитель содержался под стражей на основании того факта, что уголовное дело в отношении него было передано для рассмотрения в суд (см. пар. 28 и пар. 43 выше).

67. Суд неоднократно устанавливал нарушение п.1 ст. 5 Конвенции в делах, касающихся практики содержания обвиняемых под стражей на основании лишь того факта, что обвинительное заключение было передано для рассмотрения в суд. Суд установил, что практика содержания обвиняемых под стражей без конкретных правовых оснований или чётких правил, регулирующих их положение – в результате чего они могли быть лишены свободы на неограниченный срок без правового санкционирования, – была несовместима с принципами правовой определённости и защиты от произвола, которые пронизывают Конвенцию, а также принципом верховенства права (см. «Джекуис» (*Ječius*), упомянутое выше, §§ 60-64, и «Барановский» (*Baranowski*), упомянутое выше, §§ 53-58).

68. Суд не видит оснований, которые позволили бы прийти к иным выводам по данному делу. Он вновь подчёркивает, что для того, чтобы содержание под стражей отвечало требованиям «законности», оно должно быть применено на основе национального закона. Тем не менее, Правительство не указало ни одной правовой нормы, которая предусматривала бы возможность продолжения содержания обвиняемого под стражей, если истёк санкционированный период. Конституция РФ, а также нормы уголовно-процессуального законодательства наделяют суды и прокуроров полномочиями по продлению периода содержания под стражей в период предварительного расследования (см. пар. 54 выше). Никаких исключений из данного правила не предусмотрено и не допускается, независимо от продолжительности дополнительного срока содержания под стражей. Как было отмечено выше, в течение соответствующего периода не было вынесено ни постановления прокурора, ни судебного решения, санкционирующего содержание заявителя под стражей. Далее Суд отмечает, что заявитель находился в правовом вакууме, который не был восполнен ни одной внутригосударственной процедурой.

69. Более того, в период с 20 мая до 6 октября 1999 года ни один государственный орган не взял на себя ответственность за содержание заявителя под стражей. Районный суд вернул дело для производства дополнительного расследования, перекладывая, таким образом, ответственность за содержание заявителя под стражей на органы прокуратуры, однако Генеральная прокуратура не согласилась с этим решением и оспорила его, сначала в кассационном порядке, а затем – в порядке надзора. Даже после личного вмешательства Министра Юстиции, который указал на то, что Генеральная прокуратура незаконно содержала заявителя под стражей без продления срока в нарушение его конституционного права на свободу, заместитель Генерального прокурора не сделал ничего, чтобы исправить нарушение и не указал в своём ответе Министру на конкретное основание для содержания заявителя под стражей. Фактически, сложилась ситуация, что к тому времени незаконность содержания заявителя под стражей была очевидна для Генеральной прокуратуры. Правовое основание отсутствовало с такой очевидностью, что прокурор Л. отправил факсимильное сообщение, которое не является процессуальным документом, начальнику следственного изолятора, в котором содержался заявитель, содержащее запрет на его освобождение (см. пар. 40 выше). Суд считает, что особую озабоченность вызывает тот факт, что запрет исходил от прокурора, который не имел полномочий по продлению срока содержания заявителя под стражей. Более того, его основной функцией был надзор за соблюдением уголовно-процессуального законодательства в следственных изоляторах, и Уголовно-процессуальный кодекс и Федеральный закон о Прокуратуре налагают на него должностную обязанность освобождать из-под стражи всякого, содержащегося под стражей без законных оснований (см. пар. 60 выше). Поводом для озабоченности Суд

также считает тот факт, что не предусмотренное процессуальным законодательством распоряжение было воспринято начальником следственного изолятора как достаточное основание для того, чтобы не освобождать заявителя из-под стражи, и, таким образом, не выполнить свою правовую обязанность освободить лицо, содержащееся под стражей свыше санкционированного срока.

70. И, наконец, Суд отмечает, что, несмотря на то, что районный суд оставил без изменений меру пресечения в виде содержания под стражей в отношении заявителя 20 января 2000 года, он не привёл никаких оснований для вынесения данного решения. В связи с этим, Суд вновь отмечает, что отсутствие в решениях государственных органов каких-либо оснований для продления срока содержания под стражей, является несовместимым с принципом защиты от произвола, закреплённом в п. 1 ст. 5 Конвенции (см. «Стасайтис против Литвы» (*Stašaitis v. Lithuania*) № 47679/99, § 67, от 21 марта 2002 года).

71. В решении районного суда не установлен срок содержания заявителя под стражей, а также отсутствуют ссылки на конкретные положения Уголовно-процессуального кодекса, на которых оно было основано. Это поставило заявителя в ситуацию неопределённости относительно правомерности оснований его содержания под стражей. То, что он не привёл никаких оснований для вынесения данного решения, было ещё более драматично, поскольку заявитель в результате провёл более десяти месяцев в заключении без законного решения, принятого судом или прокурором. В этих обстоятельствах Суд считает, что решение районного суда от 20 января 2000 года не обеспечило заявителю достаточную защиту от произвола, которая является важной составляющей категории «законности» содержания под стражей по смыслу п. 1 ст. 5 Конвенции.

72. Следовательно, в период с 4 марта 1999 года до момента его освобождения 4 февраля 2000 года не существовало законных оснований для содержания заявителя под стражей в период предварительного расследования.

Таким образом, в данном деле имело место нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ П. 3 СТ. 5 КОНВЕНЦИИ

73. Суд также рассмотрит, было ли соблюдено право заявителя на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда, гарантированное п. 3 ст. 5 Конвенции. Согласно п. 3 ст. 5 Конвенции:

“3. Каждый задержанный или заключённый под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи ... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.”

74. Правительство не сделало никаких замечаний по существу жалобы.

A. Период, который должен быть принят во внимание

75. Суд считает, что содержание заявителя под стражей в период предварительного расследования, длилось с 11 сентября 1997 года (дата заключения его под стражу в Швейцарии), до 4 февраля 2000 года (дата его освобождения). Общая продолжительность, таким образом, составляла два года четыре месяца и двадцать четыре дня. Суд обладает компетенцией *ratione temporis* (согласно критерия времени – прим. перев.) рассмотреть период после ратификации Конвенции Российской Федерацией 5 мая 1998 года. При принятии решения Суд будет учитывать это, рассматривая вопрос о соответствии срока содержания заявителя под стражей в период предварительного расследования

положениям п. 1 ст. 5 Конвенции (см. «Горал против Польши» (*Goral v. Poland*) № 38654/97, §§ 58 и 61 от 30 октября 2003 года, и «Стасайтис» (*Stašaitis*), упомянутое выше, §§ 81-85).

В. Обоснованность продолжительности срока содержания под стражей

76. Законность и обоснованность продлённого срока содержания заявителя под стражей были рассмотрены районным судом 14 июля и 13 ноября 1998 года и городским судом 3 августа и 9 декабря 1998 года. В своих решениях суды подтвердили законность содержания заявителя под стражей, ссылаясь лишь на тот факт, что он обвинялся в совершении тяжкого уголовного преступления.

77. Суд считает, что российское уголовно-процессуальное законодательство, действовавшее в то время, позволяло содержать обвиняемого под стражей на основании одной лишь опасности совершённого преступления (см. пар. 55 выше). Соответственно, национальные суды не должны были указывать наличие каких-либо иных оснований для содержания лица под стражей.

78. В соответствии с практикой, выработанной Европейским Судом, тяжесть обвинения сама по себе не может оправдать продолжительность срока содержания под стражей в период предварительного расследования (см. «Рохлина против России» (*Rokhlina v. Russia*) № 54071/00, § 66, от 7 апреля 2005 года; «Панченко против России» (*Panchenko v. Russia*) № 45100/98, § 102, от 8 февраля 2005 года; и «Илижков против Болгарии» (*Iijkov v. Bulgaria*) № 33977/96, § 81, от 26 июля 2001 года). Это также касается и дел, схожих с настоящим, когда оценка фактов в соответствии с законом, а, таким образом, и оценка содержания заявителя под стражей, была сделана прокуратурой без соответствующего судебного контроля в отношении того, были ли собранные доказательства достаточными для того, чтобы обоснованно подозревать заявителя в совершении вменяемого ему в вину преступления.

79. Суд вновь подчёркивает, что продолжавшееся содержание под стражей может быть оправданным в данном деле только в том случае, если существовали конкретные фактические требования соблюдения публичного интереса, которые, несмотря на презумпцию невиновности, вызвали ограничение права на личную свободу. Любая система принудительного содержания под стражей в период предварительного расследования является не соответствующей *per se* п. 3 ст. 5 Конвенции. Она налагает на национальные органы государственной власти обязанность установить и продемонстрировать существование конкретных фактов, которые были бы важнее права на индивидуальную свободу (см. «Рохлина» (*Rokhlina*), упомянутое выше, § 67). Переложение бремени доказывания на лицо, содержащееся под стражей, в подобных делах равносильно нарушению положений ст. 5 Конвенции, положения, согласно которому, заключение под стражу является исключительным ограничением права на свободу, которое допускается в чётко прописанных и строго определённых случаях (см. «Илижков» (*Iijkov*), упомянутое выше, §§ 84-85, с последующими ссылками).

80. Суд считает, что, не обращаясь к конкретным относящимся к делу фактам и ссылаясь только на тяжесть обвинения, государственные органы продлили срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые не могут считаться «достаточными». Органы государства, таким образом, не обосновали законность содержания заявителя под стражей в период предварительного расследования (см. «Рохлина» (*Rokhlina*), упомянутое выше, § 69)

Таким образом, в данном деле имело место нарушение п. 3 ст. 5 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ П. 4 СТ. 5 КОНВЕНЦИИ

81. Заявитель жаловался на нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции вследствие того, что его жалоба на незаконное содержание под стражей так и не была рассмотрена, поскольку 16 августа 1999 года Преображенский районный суд отказался рассматривать её по существу. П. 4 ст. 5 гласит:

“4. Каждый, кто лишён свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.”

82. Правительство заявило, что процессуальные документы, относящиеся к данному периоду, были уничтожены раньше срока из-за отсутствия места в архивах. Оно не представило никаких комментариев по существу жалобы.

83. Суд вновь указывает на то, что п. 4 ст. 5 Конвенции, гарантируя арестованным или заключённым под стражу лицам право обжалования законности содержания их под стражей, также закрепляет их право, в соответствии с установленными процедурами подобного рода, на безотлагательное вынесение судебного решения в отношении законности их содержания под стражей и на освобождение, если заключение под стражу признано незаконным (см. «Рохлина» (*Rokhlina*), упомянутое выше, § 74, с последующими ссылками).

84. В настоящем деле жалоба заявителя в отношении неправомерности содержания его под стражей не была рассмотрена на том основании, что уголовное дело в его отношении было тем временем передано для рассмотрения (см. пар. 42 выше). Районный суд явно отказался разрешить вопрос о том, было ли законным содержание заявителя под стражей в этот период. Следовательно, право заявителя на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу в период предварительного расследования было нарушено. Более того, Суд пришёл к выводу о том, что национальное законодательство не предусматривает такого основания для отказа в рассмотрении дела, касающегося правомерности содержания лица под стражей в период предварительного расследования.

Таким образом, в данном деле имело место нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ П. 1 СТ. 6 КОНВЕНЦИИ

85. Заявитель жаловался на нарушение его права, предусмотренного п. 1 ст. 6 Конвенции, в результате нарушения требования «разумного срока» в отношении продолжительности уголовного разбирательства по его делу. П. 1 ст. 6 гласит:

“Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на ... разбирательство дела в разумный срок... судом...”

86. Правительство утверждает, что с 28 марта 1994 года по 28 апреля 1998 года заявитель скрывался от правосудия, и что его отсутствие вызвало задержку в уголовном разбирательстве в его отношении. Данное дело является сложным, поскольку заявитель изменил свои показания в отношении многих вопросов, а также в связи с необходимостью направления судебных поручений в Казахстан и в Австрию. Таким образом, продолжительность разбирательства была обусловлена «объективными причинами». Более того, запрос, сделанный Генеральной прокуратурой, не подтвердил предположения о том, что право заявителя на получение информации о прекращении уголовного разбирательства в его отношении в установленный срок было нарушено, поскольку он был извещён об этом решении по телефону.

А. Принимаемый во внимание период.

87. Что касается начала уголовного разбирательства, стороны не оспаривают, что оно началось в 1992 году. Суд не считает необходимым рассматривать вопрос о том, следует ли вычесть из общего срока тот период, в течение которого заявитель скрывался в Швейцарии (см., тем не менее, Решение по делу «Джиролами против Италии» (*Girolami v. Italy*) от 19 февраля 1991 года, Series A no. 196-E, § 13), поскольку в любом случае он обладает компетенцией *ratione temporis* принимать во внимание только период после 5 мая 1998 года, то есть после даты ратификации Конвенции Российской Федерацией.

88. Определение окончательной даты разбирательства является более сложным в обстоятельствах настоящего дела. В соответствии с практикой, выработанной Судом, принимаемый во внимание период при определении продолжительности уголовного разбирательства, как правило, заканчивается в день полного установления вины либо завершения разбирательства (см., среди прочих, «Калашников против России» (*Kalashnikov v. Russia*) № 47095/99, § 124, ECHR 2002-VI).

89. С другой стороны, органы Конвенции постоянно придерживались подхода, согласно которому ст. 6 в отношении уголовных дел, «призвана предотвратить чрезмерно длительное содержание обвиняемого лица в состоянии неопределённости в отношении своей судьбы» (см. Решение по делу «Стогмюллер против Австрии» (*Stögmüller v. Austria*) от 10 ноября 1969 года, Series A no. 9, стр. 40). Это означает, что период, который следует принимать во внимание, длится до тех пор, пока выдвинутые обвинения более не влияют на положение конкретного лица и устранена неопределённость в отношении его правового статуса. Если решение о прекращении уголовного преследования было принято, лицо более не страдает и не находится под влиянием неопределённости, которую ст. 6 призвана ограничить, с того момента, как он был извещён об этом решении (см. Решение Комиссии по делу «Икс против Нидерландов» (*X. v. the Netherlands*) № 9433/81, от 11 декабря 1981 года, Decisions and Reports 27, стр. 233).

90. Суд принимает во внимание, что Правительство предоставило копию решения о прекращении уголовного разбирательства в отношении заявителя датированного 28 апреля 2000 года. Он отметил, что в соответствии с национальным правом (см. пар. 61 выше), заявителю должна была быть вручена *ex officio* (в силу должностной обязанности – прим. перев.) письменная копия решения о прекращении уголовного разбирательства в отношении него.

91. Суд не может принять возражение Правительства, что вручить копию решения было невозможно, поскольку следователь не знал адрес заявителя (см. пар. 50 выше). Во-первых, примечательно то, что следователи разрешили выезд заявителю, подозреваемому в совершении преступления, в другое государство, однако не выяснили адреса, по которому его можно будет найти. Более того, установлено, что у следователя был номер телефона заявителя, и он мог связаться с ним по этому номеру. Следовательно, когда следователь разговаривал с заявителем по телефону, он мог выяснить его адрес. И, наконец, копия данного решения могла быть доставлена адвокату заявителя в Москве.

92. Более того, у Суда нет уверенности в том, что решение о прекращении уголовного разбирательства в отношении заявителя было действительно вынесено в указанный день, а именно 28 апреля 2000 года. Он указывает на то, что 27 июня 2000 года начальник отдела Генеральной прокуратуры официально отклонил ходатайство адвоката заявителя о прекращении разбирательства в отношении заявителя (см. пар. 49 выше). Правительство не объяснило, почему государственному органу, надзирающему за следствием по уголовному делу, было неизвестно о принятом решении о прекращении уголовного разбирательства, которое предположительно было принято тремя месяцами раньше. Такая ошибка еще более труднообъяснима, если принять во внимание, что у следователя была

должностная обязанность известить прокурора, осуществляющего надзор, о принятии любого подобного решения (см. пар. 61 выше). Другим основанием для сомнений Суд считает тот факт, что в 2004 году, другими словами, почти четыре года спустя, Министерство внутренних дел, тот самый орган, который предположительно принял решение о прекращении производства по делу, не был в состоянии представить его копию, вновь направив адвоката заявителя в Генеральную прокуратуру (см. пар. 51 и пар. 52 выше).

93. И, наконец, Суд отмечает, что впервые полный текст решения о прекращении уголовного разбирательства в отношении заявителя, был приложен к замечаниям Правительства от 1 апреля 2004 года, поданным в ответ на запрос Суда о текущем состоянии дела с уголовным разбирательством.

94. В обстоятельствах настоящего дела Суд считает, что неопределённость в правовом положении заявителя, касающаяся уголовных обвинений в отношении него, была устранена только в тот момент, когда заявитель мог ознакомиться с полным текстом решения о прекращении уголовного разбирательства. Это произошло в апреле 2004 года, когда письмо Суда, содержащее замечания Правительства от 1 апреля 2004 года, было получено представителем заявителя. Таким образом, Суд воспринимает 15 апреля 2004 года как день окончания рассматриваемого разбирательства. Следовательно, в период после ратификации Конвенции, уголовное разбирательство в отношении заявителя продолжалось пять лет и одиннадцать месяцев.

В. Вопрос о соответствии требованию «разумного срока»

95. Суд вновь отмечает, что оценка обоснованности продолжительности разбирательства должна быть сделана в свете конкретных обстоятельств дела, принимая во внимание критерии, выработанные практикой Суда, в частности, сложность дела, поведение заявителя и поведение компетентных государственных органов (см. среди прочих, «Рохлина» (*Rokhlina*), упомянутое выше, § 86).

96. Правительству не удалось убедить Суд в том, что продолжительность разбирательства объяснялась «объективными причинами», то есть сложностью дела, которое относилось лишь к двум эпизодам мошенничества и подделки документов. Он считает, что, скорее всего, поведение национальных государственных органов привело к значительному затягиванию разбирательства по делу. В связи с этим, он отмечает, что в течение почти двухлетнего периода после ратификации Конвенции заявитель содержался под стражей. Данный факт требует особого внимания со стороны судебных органов, рассматривавших дело, в отношении безотлагательного отправления правосудия (см. «Рохлина» (*Rokhlina*), упомянутое выше, § 89).

97. Таким образом, начало судебного разбирательства в 1999 году было задержано на несколько месяцев, поскольку, как районный суд, а затем и городской суд определили, права стороны защиты были незаконно ограничены и выделение дела в отношении г-на Смоленского в отдельное производство было сделано с нарушением процессуального законодательства. Дальнейшая задержка произошла по вине Генеральной прокуратуры, поскольку она не выполнила судебные решения и добивалась их отмены путём пересмотра дела в порядке надзора. После того, как началось судебное разбирательство по делу, тем не менее, никаких судебных слушаний не проводилось с октября 1999 года по январь 2000 года. И, наконец, наиболее значительная задержка была результатом того, что национальные государственные органы не уведомили заявителя о положении дел с уголовным разбирательством в его отношении. Эта задержка продолжалась в течение нескольких лет.

98. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд считает, что продолжительность рассматриваемого разбирательства не соответствует требованиям «разумного срока». Соответственно, в данном случае имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТ. 41 КОНВЕНЦИИ

99. Ст. 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.»

A. Материальный ущерб

100. Заявитель предъявил требование о компенсации материального ущерба в размере 140 000 долларов США. Эта сумма представляет собой потерю дохода в качестве председателя совета директоров Джамбульского Коммерческого Банка (Казахстан) в течение двадцати восьми месяцев содержания его под стражей.

101. Правительство оспорило данное требование. В первую очередь, оно отметило, что принимать во внимание следует только период незаконного содержания заявителя под стражей. В любом случае, заявитель мог обратиться в национальные органы за получением компенсации за незаконное уголовное преследование и содержание под стражей, однако не сделал этого. Его требование, таким образом, не было удовлетворено.

102. Суд отметил, что решение о предъявлении уголовного обвинения в отношении заявителя не было предметом рассмотрения Суда в настоящем деле. Не существует причинной связи между установленными нарушениями и предполагаемой потерей дохода. Суд, таким образом, не находит оснований для присуждения заявителю каких-либо выплат в этом отношении.

B. Моральный вред

103. Заявитель предъявил требование о возмещении морального вреда в размере 15 000 евро.

104. Правительство заявило, что размер компенсации должен быть определён на основании практики Суда по аналогичным делам, таким, как дело «Калашникова против России» (*Kalashnikov v. Russia*) (упомянуто выше). Оно продолжало утверждать, что требования заявителя, основанные на п. 1 ст. 6 были необоснованными, и что никакой компенсации не должно быть присуждено.

105. Суд отмечает, что он установил целый ряд конкретных серьёзных нарушений в данном деле. Заявитель, который ранее не был осужден за совершение какого-либо уголовного преступления, провёл более чем два года под стражей, и общая продолжительность уголовного разбирательства в отношении него была чрезмерно длительной. Незаконное содержание его под стражей длилось более чем десять месяцев, а законное содержание под стражей не было обоснованным. В этих обстоятельствах Суд считает, что страдания и разочарование заявителя не могут быть компенсированы одним лишь фактом установления нарушения. Руководствуясь принципом справедливости, Суд присуждает заявителю полную сумму требуемой им компенсации в отношении морального вреда, плюс любой налог, начисляемый на эту сумму.

С. Издержки и расходы

106. Заявитель предъявил требования о возмещении расходов, связанных с процессом экстрадиции в Швейцарии, сумма которых не была уточнена. Ссылаясь на документальное подтверждение, далее он предъявил требование о выплате 25 400 рублей в качестве возмещения расходов на представительство его интересов в национальных судах г-жой Москаленко, и 28 800 рублей и 28 925 рублей в качестве возмещения расходов на его представительство в Страсбурге г-жой Москаленко и г-жой Орозалиевой, соответственно. Далее он предъявил требование о выплате ему суммы, эквивалентной 6 044 долларам США и 14 центам, которые он израсходовал на предметы личной гигиены и на питание в период содержания его под стражей.

107. Правительство заявило, что расходы, связанные с экстрадицией, никак не были связаны с его жалобой в Суд. Что касается оплаты услуг г-жи Орозалиевой, связанных с рассмотрением дела в Страсбурге, то эти расходы не должны быть возмещены, поскольку она не была официально назначена в качестве представителя заявителя в Суде. В отношении оплаты услуг г-жи Москаленко, Правительство указало, что заявитель не представил никаких документов, подтверждающих то, что эти расходы были фактически понесены заявителем.

108. Суд отмечает, что процедура экстрадиции не является предметом настоящей жалобы, и что жалоба в части, касающейся условий содержания заявителя под стражей, была признана неприемлемой. Соответственно, эти расходы не подлежат возмещению. С другой стороны, на основании представленных документов и квитанций, Суд убеждён, что заявитель понёс определённые расходы в связи с представительством его дела г-жой Москаленко и г-жой Орозалиевой при разбирательстве на национальном уровне и в Страсбурге. Принимая во внимание тот факт, что часть его жалобы была признана неприемлемой, Суд присуждает заявителю компенсацию издержек и расходов в размере 2 500 евро, плюс любой налог, начисляемый на эту сумму.

D. Пени

109. Суд считает уместным, что сумма пеней по выплате компенсации должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского Центрального Банка, плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что в деле имело место нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции;
2. *Постановил*, что в деле имело место нарушение п. 3 ст. 5 Конвенции;
3. *Постановил*, что в деле имело место нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции;
4. *Постановил*, что в деле имело место нарушение требования «разумного срока», предусмотренного п. 1 ст. 6 Конвенции.
5. *Постановил*
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трёх месяцев со дня вступления Постановления в законную силу в соответствии с п. 2 ст. 44 Конвенции, выплатить заявителю следующие суммы:

- (i) 15 000 евро (пятнадцать тысяч евро) в отношении морального вреда;
 - (ii) 2 500 евро (две тысячи пятьсот евро) в отношении издержек и расходов;
 - (iii) любой налог, начисляемый на вышеуказанные суммы;
- (b) что с момента истечения вышеуказанного трёхмесячного срока и до момента выплаты, подлежат уплате простые проценты на вышеуказанные суммы в размере, равном предельной годовой ставке по займам Европейского Центрального Банка за соответствующий период, плюс три процента;

6. *Отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 02 марта 2006 года, в соответствии с п.п. 2, 3 Правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен

Кристос Розакис

Секретарь Секции Суда

Председатель Палаты